

УДК 340.122

DOI <https://doi.org/10.17308/vsu.proc.law.2020.3/2971>

М. А. РЕЙСНЕР О СТАНОВЛЕНИИ ЗАПАДНОЙ ТРАДИЦИИ СВОБОДЫ СОВЕСТИ

П. С. Исаков

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

Поступила в редакцию 6 марта 2020 г.

Аннотация: статья посвящена исследованиям государственно-конфессиональных отношений профессора М. А. Рейснера. Ученый занимал видное положение среди исследователей вопросов свободы совести, поэтому его работы оказали существенное влияние на теоретическое осмысление государственно-конфессиональных отношений в России. Рассматриваются причины, по которым ученый обращался к зарубежному опыту становления свободы совести, а также раскрываются основные этапы изменения содержания этого права в западной традиции.

Ключевые слова: государственно-конфессиональные отношения, свобода совести, вероисповедное законодательство, отношения государства и церкви, нравственная личность.

Abstract: the article is dedicated for researching state-confessional relationships of Professor Reusner M. This scientist was a significant figure among researchers of questions of freedom of conscience, so his scientific works significant influence on theoretic comprehension of state-confessional relationships in Russia. In article will be considered the reasons, why this scientist referred to foreign experience of development of freedom of conscience and also the article narrates main stages of changing of this right in foreign west traditions.

Key words: state-confessional relations, freedom of conscience, religious legislation, relations between the state and the Church, moral personality.

Свобода совести выступает важной составляющей характеристики государственно-конфессиональных отношений, причем не только в современных условиях, но и при ретроспективном рассмотрении проблемы взаимоотношений государства и религиозных объединений. Как в российских, так и в зарубежных исследованиях справедливо отмечается, что государственно-конфессиональные отношения складываются под влиянием определенного культурно-исторического типа, который формируется не только посредством исторического преемства, но и заимствования культурных ценностей других цивилизаций. Тем самым подчеркивается значимость сравнительных исследований теоретического осмысления и практической реализации свободы совести в зарубежных государствах для понимания национальной специфики правового регулирования свободы совести.

Отечественная традиция изучения государственно-конфессиональных отношений в России была заложена еще дореволюционными уче-

ными и практиками, занимавшимися различными аспектами данной проблемы, в том числе и вопросами реализации свободы вероисповедания и свободы совести. Среди них видное место принадлежит профессору М. А. Рейснеру, чей вклад в разработку концепции государственно-конфессиональных отношений в России трудно переоценить.

Например, реформирование вероисповедного законодательства в Российской империи было во многом обязано научным трудам теоретиков государственно-конфессиональных отношений, среди которых исследования М. А. Рейснера занимали ключевое значение. Впоследствии теоретические наработки ученого использовались уже советской властью при работе над законодательством об отделении церкви от государства. А. А. Сафонов отмечает в целом определяющую роль М. А. Рейснера в либеральном направлении отечественной трактовки свободы совести¹.

Обращение к западной традиции права М. А. Рейснером связано с неразрешимыми противоречиями отечественной юридической науки, вызванными нагромождением одинаково логически построенных, но различных теорий², с которыми он сталкивался. Двухгодичная командировка в Германию к профессору Гейдельбергского университета Г. Еллинеку окончательно сформировала социально-психологический подход ученого к правовым исследованиям³.

Полагаем, что обращение ученого к основным этапам становления западной традиции свободы совести было обусловлено необходимостью целостного понимания концепции свободы совести, которая в силу культурно-исторических особенностей не была разработана в России. Веротерпимость, господствовавшая в государственно-конфессиональных отношениях в России, была лишь первой стадией развития религиозной свободы⁴, поэтому исследования зарубежной традиции позволяли представить возможные модели религиозной свободы, которые можно было реализовать в рамках государственно-конфессиональных отношений. Право свободы совести исторично, однако в России это право развивалось медленнее, чем в европейских странах, а содержание было направлено не в сторону свободы, а в сторону терпимости.

Определимся с терминологией, которая соответствует дореволюционному содержанию свободы совести, но отличается от современного понимания указанной категории.

В своих работах М. А. Рейснер использует термин «свобода исповедания», которая включает две категории: свобода веры и свобода совести. Под свободой веры понимается внутренняя вера человека, которая не может быть ограничена, а значит, не нуждается в правовой защите. Под

¹ См.: Сафонов А. А. Государство и конфессии в поздней имперской России : правовые аспекты взаимоотношений. М., 2017. С. 100–101.

² См.: Скибина О. А. Государственно-правовые взгляды М. А. Рейснера : дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2016. С. 29.

³ См.: Там же. С. 54.

⁴ См.: Сафонов А. А. Государство и конфессии в поздней имперской России... С. 99.

свободой совести понимается право жить в соответствии со своими религиозными убеждениями и не подвергаться преследованию за них⁵. Таким образом, правовое регулирование свободы исповедания возможно только для категории свободы совести. Стоит отметить, что М. А. Рейснер не первый, кто выделял двуединое содержание указанного нами термина. Так, на дореволюционные исследования государственно-конфессиональных отношений существенное влияние оказала теоретическая работа «Религиозная свобода: история идеи» Ф. Руффини, в которой автор рассуждает об индивидуальном и коллективном аспектах религиозной свободы⁶.

В дореволюционной правовой мысли свобода совести стоит особняком в системе естественных прав, поскольку такие права, как личная неприкосновенность, свобода слова, передвижений и другие, являются лишь юридической стороной естественной жизнедеятельности человека. В это же время свобода совести и вероисповедания затрагивает категорию нравственного выбора человека, который формирует мировоззрение и определяет всю его дальнейшую деятельность. М. А. Рейснер отмечает, что нет больше такого естественного права, которое так подвергалось бы поруганию во имя религии и нравственности⁷.

В настоящей статье мы сознательно будем анализировать лишь тенденции развития свободы совести в западной традиции права, не углубляясь в конкретные исторические события, поскольку целью настоящей статьи является понимание содержания этой категории на том или ином историческом этапе и оценка исследований М. А. Рейснера для отечественной разработки концепции свободы совести.

На протяжении всей истории развития свободы совести ей противостояла государственная религия. М. А. Рейснер в своих работах анализировал, как менялось отношение к свободе совести при появлении государственной религии в западноевропейских странах. Исследования ученого начинаются с периода борьбы в императорском Риме между государственной религией и свободной нравственной личностью, отстаивающей свободу исповедания. Термин «нравственная личность» ввел в научный оборот М. А. Рейснер, понимая под ним самостоятельного и независимого индивида, который обладает совокупностью признаваемых властью и законом прав и свобод, которые он реализует в своей жизни⁸. В тот исторический период еще не существовало понимания самой личности, поэтому человек, мыслимый только в рамках государства, не мог получить никакой личной свободы⁹.

⁵ См.: *Рейснер М. А.* Право свободного исповедания // Государство и верующая личность : сб. статей. СПб., 1905. С. 5.

⁶ См.: *Руффини Ф.* Религиозная свобода : история идеи / пер. с итальянского А. Н. Ильинского. М., 1995. С. 29–31.

⁷ См.: *Рейснер М. А.* Право свободного исповедания. С. 2.

⁸ См.: *Скибина О. А.* Государственно-правовые взгляды М. А. Рейснера. С. 70–71.

⁹ См.: *Рейснер М. А.* Языческий Рим и христианская совесть // Государство и верующая личность : сб. статей. СПб., 1905. С. 17.

Языческие боги в Риме представлялись основной движущей силой развития государства, и от их воли зависело процветание и стабильность той или иной государственной сферы, поэтому отступление от государственной религии было запрещено¹⁰. М. А. Рейснер отметил интересную особенность языческого мировоззрения в Римской империи, позволявшего почитать различных богов, не связывая внешние проявления культа и внутренние убеждения. Таким образом, можно сделать вывод, что внешнее почитание богов люди относили к государственной обязанности, которая не была связана с внутренними религиозными убеждениями. Ранние христиане были носителями идеи свободы совести, но их мировоззрение было иным, оно «не могло допустить господства государства в деле религии»¹¹, поскольку основывалось на непосредственной связи души и Бога.

Двухвековая борьба мировоззрений сводилась к противопоставлению насилия и свободы. Как отмечал М. А. Рейснер, «железо всецело находится на одной стороне, кровь – всецело на другой»¹². Результатом конфронтации стало наглядное подтверждение того, что свобода имеет внутри себя гораздо больше силы, чем насилие. Так был принят Миланский эдикт Константина и Лициния, где «каждый из желающих содержать религию христиан мог делать это свободно и беспрепятственно»¹³.

Основной вопрос, на который отвечал М. А. Рейснер в своей работе «Гонение на еретиков и язычников в христианской Византии» можно сформулировать так: что стало со свободой совести в результате этой борьбы? Победа была одержана христианами, выступающими приверженцами свободы совести, но закрепилось ли это право? Христианство, став государственной религией, получило от государства правовую защиту и возможность агрессивного распространения своего учения и применения насилия в отношении еретиков и язычников. Таким образом, содержание права на свободу совести не изменилось. Отстаивая свое право на свободу совести в Римской империи, христиане, получив его, решили отнять силой это право у людей другой веры. М. А. Рейснер охарактеризовал противостояние свободы совести и христианства как период, когда во имя «любви к Богу совершались религиозные гонения и ущемления»¹⁴.

Как произошла трансформация христианства из учения, которое отстаивало свободу совести, в учение, которое ее не приемлет? Изначально христианство не принимало любого принуждения в вопросе религии, но с ростом числа последователей все сложнее было сохранить первоначальное истинное учение. Желание сохранить истину оказалось выше, чем сохранить свободу совести. Так появилось разделение на мирян и духовенство, при этом за последними закрепилось право на истинные

¹⁰ См.: *Стецкевич М. С.* Свобода совести : учеб. пособие. СПб., 2006. С. 16.

¹¹ *Рейснер М. А.* Языческий Рим и христианская совесть. С. 24.

¹² *Рейснер М. А.* Право свободного исповедания. С. 2.

¹³ *Бриллиантов А. И.* Император Константин Великий и миланский эдикт 313 года // Христианское чтение. 1914. № 2. С. 148.

¹⁴ *Рейснер М. А.* Право свободного исповедания. С. 3.

знания о христианском учении. М. А. Рейснер приходит к выводу, что дальнейшее юридическое оформление церковной иерархии и ее выражение в каноническом праве, объединяющем в себе религиозное и правовое начало, привело к окончательному отходу христианства от идеи свободы совести¹⁵. Таким образом, учение, основанное на свободе совести, превратилось в учение, где требовалось строгое подчинение духовной власти не только в силу принадлежности к учению, но и в силу требования закона. Как отмечает А. А. Мамедзаде, христианская церковь, вступив в союз с государством, принесла в жертву не только свободу совести отдельных людей, но и свою собственную¹⁶.

В то время Римская империя остро нуждалась в новой религии, которая объединила бы народы и дала ему силы для дальнейшего развития. Выбор христианства стал закономерен, поскольку это учение постепенно формализовалось и объединило вокруг себя множество последователей, которые подчинялись духовным иерархам. Для объединения народа христианство оставалось только имплементировать в нормы государственного права. М. А. Рейснер выделяет три причины, по которой выбор в вопросе религии пал на христианство:

1. Монотеизм христианства подразумевал под собой единую жизнь и истину для всех последователей, что было удобно для объединения империи.

2. Христианство было «вселенской» религией, привлекающей людей с различных земель.

3. Христианство проповедовало смирение, покорность и послушание, чего не мог добиться император, создавая вокруг себя культ¹⁷.

Итак, объединение государства и церкви произошло: государство стало духовным, а церковь государственной, и от этого союза пострадала свобода совести, исключаемая государственной религией. Дарованные христианской церкви привилегии привели к тому, что произошло смешение религии, нравственности и права, которое законодательно требовало соблюдать как религиозные, так и государственные предписания. Первые догматы христианского учения стали предметом законодательства в 380–381 гг. в указе Феодосия¹⁸. Но далеко не все люди приняли союз государства и церкви, закона и религии. Это подтверждают печальные события борьбы между государством вместе с церковью и свободой совести и убеждениями личности на протяжении почти 15 веков.

В Средние века встал вопрос о том, как объединить в общую систему религиозного принуждения правовые порядки государства и церкви. М. А. Рейснер выделяет два пути такого объединения, каждый из

¹⁵ См.: *Рейснер М. А.* Гонение на язычников и еретиков в христианской Византии // Государство и верующая личность : сб. статей. СПб., 1905. С. 36–37.

¹⁶ См.: *Мамедзаде А. А.* Свобода совести. Истоки, становление, правовая охрана. СПб., 2013. С. 9.

¹⁷ См.: *Рейснер М. А.* Гонение на язычников и еретиков в христианской Византии. С. 40.

¹⁸ См.: *Стецкевич М. С.* Свобода совести : учеб. пособие. С. 34.

которых имел свои недостатки. Первый путь объединения лежал через подчинение государства каноническим требованиям. Желая сделать католическую церковь государственной, государство должно было принять, что у церкви есть свое божественное право, которое даровано Богом и не нуждается в государственном одобрении¹⁹. Поэтому для полного единства государства и католической церкви «государство должно неминуемо подчиниться законодательству церкви, ее надзору и управлению»²⁰.

Второй путь связан с желанием государства подчинить себе церковь. Это можно было осуществить путем присвоения государству права участвовать в решении церковных дел или путем придания юридической силы только тем предписаниям церкви, которые удобны государству. Второй путь создания единства оказался несостоятельным, поскольку он предусматривал государственное вмешательство в вопросы, которые с точки зрения католического учения решаются только с помощью Бога. Таким образом, для объединения церкви и государства, последнее должно было подчиниться первому, хранящему в себе веру. Именно такой путь выбрало государство в Средние века.

М. А. Рейснер представил подробный анализ поступательного процесса подчинения государства церкви. Для начала церковь поставила себе цель стать независимой от государства. По мнению ученого, это стало возможным с умножением богатства папского Рима. К VI в. папы стали крупнейшими землевладельцами в Италии, что позволяло им и кормить население Рима, и покупать безопасность. Но улучшение материального положения церкви было не единственной причиной достижения независимости. Епископы выполняли множество светских функций, например участвовали в суде и управлении областями, что сыграло роль в возвышении римского папы после падения Западной Римской империи²¹. Стоит отметить, что государство не торопилось уступать первостепенное значение церкви, поэтому борьба между церковью и государством является основным содержанием государственно-конфессиональных отношений в Средние века.

Главенствующее положение переходило от государства к церкви и наоборот. В этой борьбе была задействована не только сила, но и слово, имевшее одно из решающих значений. Так, Фома Аквинский говорил, что государство должно подчиниться церкви, поскольку церковь имеет высшую цель – заботу о нравственности и религии, а все остальные цели лежат в плоскости земных, а значит подчиненных целей²². Ошибочно полагать, что слово не имело силы, потому что идея теократии не только получила юридическое и богословское обоснование, но и предложила опре-

¹⁹ См.: *Рейснер М. А.* Гонение на язычников и еретиков в христианской Византии. С. 65.

²⁰ Там же.

²¹ См.: Там же. С. 68–69.

²² См.: *Аквинский Ф.* О правлении государей // Политические структуры феодализма в Западной Европе VII–XVII вв. Л., 1990. С. 242–243.

деленные практические решения по воссозданию римского единства²³. Так сформировалась теория двух мечей, изложенная в булле Бонифация VIII. Согласно этой теории, папе вручены два меча, одним из которых он владеет непосредственно, а вторым распоряжается, несмотря на то что последний находится в руках светских властей²⁴.

Анализируя работы М. А. Рейснера, посвященные свободе совести в Древнем Риме и Риме католическом, мы отметили следующие отличия между этими историческими периодами. Для сравнения в первом случае возьмем христиан, а во втором еретиков как людей, которые отстаивали свое право на свободу совести. Положение христиан в Древнем Риме было положением политических преступников, а положение еретиков в католическом Риме было положением оскорбителей и бунтовщиков против самого Бога. В первом случае наказывать могло государство, а во втором сам Бог. Отсюда следует различие в степени преследования людей, которые отстаивали свободу совести и веры в сравниваемые периоды.

Концептуально для нас это значит, что свобода совести в Средние века была более поругаема, чем в Древнем Риме. По мнению А. А. Мамедзаде, религиозная нетерпимость в Средние века достигла своего апогея²⁵. Примечательно, что христиане в Средние века также ограничивались в своем вероисповедании. Так, чтение Евангелия делается привилегией клира, священные книги разрешается читать только на латинском языке, запрещается самостоятельно проповедовать христианскую веру²⁶. Таким образом, мы наблюдаем полный контроль над человеческой совестью. Несмотря на то что многие поколения людей были возвращены под влиянием католической церкви, народ не мог вечно терпеть ограничения самого естественного своего права и стал искать свою свободу веры и совести.

«Упрощенная» религия, в которой путь к Богу был строго определен, заменяла самостоятельный путь человека в поиске истины и создавала формальную веру, которая обещала достижение Бога. М. А. Рейснер отмечает, что ситуация с римской церковью в Средние века связана с изменой христианству и порабощением свободной веры²⁷. Таким образом, религия свободы превратилась в религию законного насилия над верующими. Существует мнение, что объединение церкви и государства привело к духовному разложению и первого, и второго²⁸.

²³ См.: *Рейснер М. А.* Гонение на язычников и еретиков в христианской Византии. С. 82.

²⁴ См.: *Шафф Филип.* История христианской церкви. СПб., 2009. Т. 6 : Средневековое христианство. С. 26.

²⁵ См.: *Мамедзаде А. А.* Свобода совести. Истоки, становление, правовая охрана. С. 11.

²⁶ См.: *Рейснер М. А.* Гонение на язычников и еретиков в христианской Византии. С. 95.

²⁷ См.: *Рейснер М. А.* Реформация и право реформирования // Государство и верующая личность : сб. статей. СПб., 1905. С. 102.

²⁸ См.: *Погасий А. К.* Религия и право : учеб. пособие. 2-е изд. Казань, 2008. С. 12.

В XVI в. борцом за религиозную свободу, которую в данном контексте мы можем воспринимать как свободу совести, выступал Мартин Лютер. Риторика М. Лютера отражает его стремления: «По какому праву полагает нам папа законы, кто дал ему власть поработить свободу, сообщенную нам крещением»²⁹. Он последовательно выступал за освобождение личности от установленных правил веры, которые приняты не по собственному согласию. М. Лютер считал, что свобода должна быть во всем, что не указано прямо в Писании, поскольку спасение в самой вере, а не во внешних ее выражениях. Настоящее учение протянуло мост между верующим человеком и Богом, между свободой и верой. По словам М. А. Рейснера, «стена, воздвигнутая католичеством между человеком и Богом, была разбита»³⁰. Учение М. Лютера вырвало монополию на религиозную истину из рук католического клира и отдало на усмотрение свободным верующим людям, которые самостоятельно действовали, основываясь на своей совести.

Свобода веры в учении реформации заключалась в уравнивании верующих между собой и возрождении права самостоятельно толковать слово Божье независимо от светского или духовного сана. Освобождая веру для каждого человека, М. Лютер занимал позицию, что единение и унификация, к которому стремились государство и церковь, было неправильным, поскольку за церковь не должно быть никакой власти кроме отпущения грехов.

М. А. Рейснер отмечал особое место учения М. Лютера, поскольку оно представляло теоретически обоснованную критику принуждения в вопросах свободы совести, утверждая путь к этой свободе своим последователям. В этом смысле реформация впервые провозглашала свободу совести как принцип христианской веры. В теории учение не допускало никаких понуждений в вопросе веры со стороны церкви, но сам М. Лютер не был так последователен³¹. Так, забывалось, что религиозное принуждение может исходить не только от церкви, но и от государства, влияние которого на личную свободу велико. Реформаторы не только не устранили религиозный гнет вне церкви, но и «расширили духовные задачи светской власти»³². Это проявлялось в праве пресекать публичное проявление ереси, хотя формально государство не могло принуждать к вере.

Реформаторы отстаивали свободу от принуждения в вопросах религиозного служения, не учитывая свободу в вопросах нравственных. Освобождая от гнета церкви, они поставили человека под гнет Писания, положения которого сделали законом, а их соблюдение контролировало государство. Таким образом, под предлогом следования истине Писания, реформаторы руками светских властей боролись с ересью.

²⁹ *Новгородцев П. И.* Лекции по истории философии права. Учения нового времени, XVI–XIX вв. 3-е изд. М., 1914. С. 30.

³⁰ *Рейснер М. А.* Реформация и право реформирования С. 105.

³¹ См.: Там же. С. 112.

³² Там же.

Нужно отдельно сказать о значении для свободы совести Вестфальского трактата, являющегося результатом Тридцатилетней войны. Так, государю разрешалось определять, какую религию будут исповедовать его подданные, размер второй религии в государстве, а также решать судьбу тех подданных, которые не принадлежали к трем основным верам. Таким образом, любой подданный мог выбрать одну из трех исповеданий: католическое, протестантское аугсбургское или реформаторское³³. Переход из одного исповедания в другое не преследовался и не ущемлял в правах подданного.

Это не было свободой совести в полном смысле этого понятия, здесь она сводилась к веротерпимости. Тем не менее это был огромный шаг вперед в вопросе свободы совести, который уравнивал в правах последователей нескольких исповеданий, представители которых отстаивали силой свое право. Концептуально признание одной ереси в качестве признанной религии позволило допустить, что и другие ереси могут быть разрешены. Таким образом, монополия на истину была разрушена. Однако свобода совести была ограничена внешними факторами, а не нравственным выбором человека. Истина определялась не церковью, а государями из нескольких вариантов истины. М. А. Рейснер полагает, что реформация в конечном итоге запятнала себя, призвав государство для помощи в устройстве нового религиозного порядка³⁴. Итогом является то, что реформация закончила дело установления государственной или же светской церкви³⁵.

Рассматривая последовательно историю становления западной традиции свободы совести, М. А. Рейснер отмечает, что данная концепция права стала целостной и получила свое широкое распространение только в XVIII в. Именно в этот период значительно повысился нравственный и культурный уровень людей, а государства начали движение по пути от абсолютизма к демократическому политическому режиму. М. А. Рейснер связывал обеспечение свободы вероисповедания только с представительным государством, имея в виду необходимость выборных законодательных органов³⁶. Просвещение привело людей к мысли, что «нет другого более естественного и законного права человека, как право свободы религиозного исповедания»³⁷.

М. А. Рейснер отмечает, что именно в этот период народы Европы осознали, что насилие над исповеданием лица и его совестью не совместимо ни с духом христианства, ни с новым веком разума. В понимании

³³ См.: Прокопьев А. Ю. Германия в эпоху религиозного раскола. 1655–1648. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 2008. С. 93–98.

³⁴ См.: Рейснер М. А. Реформация и право реформирования. С. 140.

³⁵ См.: Христианское государство : идея христианского государства в прусской церковной политике и учении некоторых немецких канонистов / М. А. Рейснер, профессор Императорского Томского университета. Томск, 1899. С. 1.

³⁶ См.: Рейснер М. А. Свобода совести и закон 17 апреля 1905 г. // Государство и верующая личность : сб. статей. СПб., 1905. С. 423.

³⁷ Рейснер М. А. Право свободного исповедания. С. 3–4.

М. А. Рейснера, свобода совести как теоретически осмысленная категория сложилась в XVIII в. В своих работах М. А. Рейснер не касается подробно этого исторического этапа становления свободы совести, но использует теоретические выводы Нового времени в качестве идеала, на который он ориентировался на протяжении своих исследований. М. А. Рейснер не раз отмечал, что «право это в течение исторического развития претерпело много видоизменений»³⁸, но культура и цивилизация смогли развиваться только тогда, когда в основу легла свободная нравственная личность и свободная церковь.

Примечательна характеристика XVI–XIX вв., данная М. А. Рейснером с точки зрения развития государственно-конфессиональных отношений. Так, управление церковью осуществлялось государством, как одним из ведомств государственного управления. Именно поэтому церковные вопросы, в том числе вопрос свободы совести, стали соответствовать просвещенной политике европейских государей³⁹. Свобода совести в период Нового времени претерпела концептуальное изменение от простой терпимости до личной религиозной свободы, включающей в себя свободу веры, совести, исповедания.

Итак, научные труды профессора М. А. Рейснера, посвященные западной традиции свободы совести, не только сформировали его собственное представление о подлинном содержании свободы совести, но и позволили сопоставить отечественную и западную теорию и практику государственно-конфессиональных отношений. Например, сравнивая западную традицию права свободы совести и отечественную, Рейснер отмечает, что «наша веротерпимость в своих основаниях, не современная, правовая западная, и не христианская вероисповедная, а скорее древнеримская национальная»⁴⁰. Принципы веротерпимости и свободы веры по российскому закону «нечто совершенно иное, чем тот принцип религиозной свободы, который принят на современном Западе»⁴¹.

По мнению М. А. Рейснера, западная традиция права и ее изучение дало отечественным исследователям бесспорный ориентир, как должна выглядеть религиозная свобода в Российском государстве. Например, признается, что право не должно вторгаться в область религии, а государство не должно вмешиваться во внутреннее устройство религиозных организаций. В государственно-конфессиональных отношениях должен соблюдаться принцип, что «кесарево принадлежит кесарю, а Божие – Богу»⁴². Используя в качестве основания данные принципы, отечественные ученые, в том числе М. А. Рейснер, могли оценить состояние российско-

³⁸ Рейснер М. А. Право свободного исповедания. С. 3–4.

³⁹ См.: Христианское государство : идея христианского государства в прусской церковной политике и учении некоторых немецких канонистов / М. А. Рейснер, профессор Императорского Томского университета. С. 2.

⁴⁰ Рейснер М. А. Веротерпимость и национальный принцип по действующему праву // Государство и верующая личность : сб. статей. СПб., 1905. С. 160.

⁴¹ Там же. С. 156.

⁴² Там же.

го законодательства в вопросе свободы совести. Например, М. А. Рейснер отмечает, что Свод законов Российской империи практически не был знаком с разделением права и нравственности, права и религии⁴³. Фактически это приводило к смешению различных категорий, а провозглашенный принцип полной веротерпимости на деле имел жесткие границы. Обозначенной проблеме были посвящены многие работы как М. А. Рейснера, так и других его современников.

Таким образом, можно сделать вывод, что научная мысль по вопросу свободы совести содержательно опережала российскую практику, где была распространена политика веротерпимости. Тем не менее изучение западной теории и практики государственно-конфессиональных отношений, а также поступательное развитие общественной и научной мысли привело российское вероисповедное законодательство к серьезным изменениям в начале XX в.

⁴³ См.: Рейснер М. А. Добронравие, порочность и основы морально-полицейского надзора // Государство и верующая личность : сб. статей. СПб., 1905. С. 141.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

*Исаков П. С., аспирант кафедры теории и истории права
E-mail: ps.isakov@mail.ru*

National Research University «Higher School of Economics»

*Isakov P. S., Post-graduate Student of the Theory and History of Law Department
E-mail: ps.isakov@mail.ru*